
Пепел
наших
клятв
18+

Алиса Вернер

«Пепел наших клятв»

«Автор»
2026

Вернер А.

«Пепел наших клятв» / А. Вернер — «Автор», 2026

Пять лет назад Элиана предала мужчину, которого любила больше жизни. Чтобы спасти младшего брата, она подписала смертный приговор Каэлю и навсегда потеряла своё счастье.Но однажды он возвращается из мёртвых.Теперь Каэль — беспощадный предводитель мятежников, мечтающий отомстить женщине, разрушившей его жизнь. Только почему ненависть к ней всё ещё обжигает сильнее любви?Когда забытые воспоминания начинают возвращаться, Элиана узнаёт страшную правду: её предательство было частью древнего заговора. Два брата, одна роковая клятва, запретная магия и королева, способная переписывать судьбы.Теперь Элиане предстоит выбрать между любовью и спасением целого королевства.**Он поклялся её уничтожить. Она поклялась больше никогда его не предавать. Но что, если ради настоящей любви придётся нарушить последнюю клятву?**

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек, которого я убила 5
Глава 2. Семь секунд до забвения 7
Глава 3. Девочка без прошлого 9
Глава 4. Две королевы 11
Глава 5. Чужое сердце 12
Глава 6. Тот, кто носит его лицо 14
Глава 7. Два лица одной лжи 15
Глава 8. Три слова, которые убили любовь 16
Глава 9. Письмо мертвеца 17
Глава 10. Дом, в котором умерло наше счастье 18
Глава 11. Палач с глазами ребёнка 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Алиса Вернер
«Пепел наших клятв»

Глава 1. Человек, которого я убила

Колокол ударил тринадцать раз. В Лиарне этого не случалось даже во время похорон: двенадцать ударов принадлежали живым, тринадцатый — тем, кого надлежало забыть.

Ещё утром Элиана получила от королевы приглашение на вечерний суд. На печати блестела обычная восьмиконечная звезда, и никаких предупреждений не было. Но перед залом ждали две женщины, которые отказались называть свои имена. Одна подала Элиане старую детскую варежку и сказала: «Он помнил, что у него была дочь. До вчерашнего дня». Элиана приказала впустить женщин на приём, однако секретарь вернулся с формулировкой: «Для таких людей места не предусмотрено». Теперь, стоя у круга, она всё время видела перед собой варежку. До этого дня Элиана считала, что стирание забирает опасные воспоминания у тех, кто сам добровольно пожертвовал частью себя. Женщины у дверей впервые заставили усомниться, кому именно принадлежит слово «добровольно».

Она вспомнила последний вечер с Каэлем. Он тогда говорил о том, что однажды они уедут далеко от двора. Элиана возразила: её брат нуждается в ней. Каэль взял её за руку и сказал, что не собирается требовать невозможного, но хотел бы знать, что она сама выбрала бы без страха перед королевой. Элиана не ответила. Теперь тот же вопрос казался страшнее суда.

Элиана Вейр стояла у серебряного круга в зале королевского суда. На ступенях перед ней опустился на колени молодой мужчина в разорванном камзоле. За спиной пленника ждали жрецы. У каждого на запястье светился знак Забвения.

— Последнее желание? — спросила Элиана.

— Чтобы вы хоть однажды спросили себя, что защищает Завеса, — ответил он.

Она устала от этого вопроса. Под Завесой жили города, пахли хлебом рынки, рождались дети. За ней, говорили летописи, бродили твари, способные пожрать человеческую память. За стеной серебряного света не было никакой жизни, которую следовало бы жалеть.

— Говори имя, — приказала она.

— Тот, кого вы отправили на казнь, жив.

Элиана не сразу поняла смысл сказанного. Пять лет назад она видела Каэля Ардена в цепях, слышала его последний вопрос: «Ты действительно этого хочешь?» И ответила «да», потому что за дверями зала королева держала её младшего брата Ильяна.

— Не пытайся купить жизнь сказками.

— Он велел передать: больше не хочет вашей любви.

Пламя на ладони Элианы вспыхнуло прежде, чем она остановила движение. Пленник исчез в серебряном огне. За спиной ахнули придворные. В этот миг погасли свечи, а огромные двери зала распахнулись.

Вошедший мужчина был одет в чёрное. Длинные волосы собраны на затылке; через скулу тянулся тонкий шрам. Но серые глаза остались прежними — теми самыми, ради которых Элиана когда-то готова была оставить королевский двор.

— Здравствуй, Элиана, — сказал Каэль.

Она не позволила себе упасть.

— Ты умер.

— Ты постаралась. Но, как видишь, не до конца.

Стража потянулась за мечами. Каэль даже не обернулся. Он бросил к её ногам пергамент с печатью Мэриан. В списке людей для нового обряда последним стояло имя: «Элиана Вейр. Уничтожить последнее воспоминание до кровавой луны».

— Это подделка, — прошептала она.

— Хотел бы я, чтобы так и было. У тебя два часа. Ты пойдёшь со мной сама или дождёшься, пока твои верные друзья вспомнят, как удобно стирать тех, кто слишком много знает.

Он подошёл близко. Когда-то этот человек целовал её руки и смеялся, что никакая корона не стоит одного её несчастного дня. Сейчас он смотрел так, словно слова «любимая» и «враг» стали одним и тем же.

В ожидании стражи Каэль опустил взгляд к её левой руке. Она до сих пор машинально касалась безымянного пальца, хотя кольца там не было пять лет. Он заметил движение и на секунду сжал челюсти. Элиана хотела убрать руку за спину, но передумала. Он должен был знать, что прошлое не исчезло бесследно и для неё. В зале тем временем пришёл в себя первый стражник. «Леди Вейр, это самозванец!» — закричал он. Каэль повернул голову с усталым любопытством: «Вечная проблема власти: ей трудно отличить вернувшегося человека от непрошеного воспоминания».

Она спросила, что случилось с теми, кого он привёл с собой. Каэль ответил, что пришёл один и что его люди ждут только за пределами дворца. «Я не хочу втягивать их в личную месть», — добавил он. Она горько улыбнулась: «Значит, ты всё ещё умеешь отличать людей от своих обид». Он отвернулся, будто не знал, как ответить. Тогда Элиана поняла: злость была для него не только оружием. Она не давала ему услышать самого себя.

— Зачем ты вернулся?

— Узнать, чего стоила наша клятва. И сделать так, чтобы за неё наконец заплатил не только я.

Где-то за колоннами раздался топот тяжёлых сапог. Элиана посмотрела на пергамент. Почерк королевы был подлинным. Слишком хорошо она знала изгиб последней буквы.

Она подняла руку, и серебряный свет опустился на головы стражников. Семь секунд они ничего не будут помнить. Семь секунд, за которые ей предстояло ещё раз предать всё, чему её учили.

— Идём, — сказала она.

Каэль не улыбнулся. Это ранило сильнее, чем ненависть.

Глава 2. Семь секунд до забвения

Они нырнули за бархатную портьеру в тот миг, когда стражники забыли приказы. Каэль открыл дверцу в тайный проход без ключа.

— Ты помнишь его? — спросила Элиана.

— Я помню все места, где когда-то был счастлив. Очень неудобное свойство мёртвых.

За стеной остались крики. В узком коридоре пахло влажным камнем. Когда-то они прятались здесь от придворных, целовались и мечтали о небольшом доме у моря. Теперь Каэль шёл впереди, не позволяя ей даже коснуться его рукава.

— Покажи приказ, — попросила она.

Он протянул пергамент. Седьмая строка была исписана мелкими пояснениями: «Носительница последнего ключа. Остаточную память изъять полностью». Элиана узнала термин, но не его смысл.

— Почему королева хочет уничтожить меня?

— По той же причине, по которой уничтожает всех, кто знает, что за Завесой.

— Ты был там?

Он обернулся. Лицо побледнело.

— Меня там похоронили.

В середине прохода они остановились у низкой ниши. Каэль нащупал металлическую ручку и открыл крошечный ящик, скрытый в стене. Внутри лежали сухие спички, две монеты и сложенная карта. «Я оставил это, когда готовил тебе побег из дворца», — сказал он. Элиана удивлённо посмотрела на него. «Когда?» — «За неделю до суда. Мне казалось, мы можем уехать, если найдём лодку». На карте был отмечен морской дом и дорога, которой они теперь не могли пройти. Каэль закрыл ящик так резко, будто хотел запереть и само воспоминание.

Внизу раздались голоса. Солдаты вспомнили цель преследования. Элиана подняла ладонь, но Каэль остановил её.

— Семь секунд ты уже потратила. Вторая попытка выжжет тебе целый год.

— Откуда ты знаешь цену моей магии?

— Потому что однажды видел, как ты заплатила гораздо больше.

Она хотела спросить, но он толкнул железную решётку. За ней начинался городской водосток. На выходе Каэль оступился; Элиана поймала его под локоть. Под чёрным рукавом виднелась рана, из которой текла почти чёрная кровь.

— Тебе нужен лекарь.

— Мне нужен человек, который не будет вести меня на казнь.

Она отпустила руку. Он заметил, как её это задело, и на мгновение смутился, однако ничего не сказал.

В водостоке они встретили старого дворцового рабочего. Мужчина узнал Элиану и упал на колени, умоляя не стирать его. Она впервые увидела, насколько её обычный придворный знак похож на орудие казни. «Я не стану вас трогать», — сказала она. Рабочий не поверил. Каэль отдал ему собственную накидку, чтобы тот смог пройти мимо постов, и попросил показать безопасный выход для жителей нижнего города. Рабочий ответил, что за старым рынком ещё сохранились непроверяемые короной двери. Каэль поблагодарил его по имени. Элиана спросила, откуда он его знает. «Он носил нам письма, когда мы были счастливы», — ответил Каэль. Рабочий заплакал: он тоже помнил.

У выхода из водостока Каэль остановился.

— Когда ты подписывала приказ, ты хоть раз пожалела?

— Каждый день.

— Тогда почему не плакала?

Элиана вспомнила маленькие пальцы Ильяна, сжатые на решётке камеры. Королева сказала: «Если хотя бы голос дрогнет, он умрёт первым». Элиана научилась не плакать в ту минуту.

— Потому что иначе не смогла бы закончить, — ответила она.

Каэль принял это за признание в жестокости. Она увидела, как снова закрывается его лицо. И не нашла в себе силы остановить его.

Глава 3. Девочка без прошлого

Нижний город казался чужим. На дверях пустых домов висели белые ленты: знак, что жившие здесь люди подверглись полному стиранию. У булочной маленькая девочка в чужом пальто пыталась вспомнить собственное имя.

— Меня зовут… — Она запнулась и заплакала. — Я помнила утром.

Элиана присела рядом. На детском запястье блестел свежий серебряный след. Такие следы оставляли жрецы после «добровольного дара» Завесе.

— Нельзя, — сказал Каэль, заметив, как она подняла руку. — Отдашь ей свою память.

— Она ребёнок.

— Поэтому и говорю. Потом ты не сможешь помочь другим.

Элиана всё же коснулась следа. В её сознании вспыхнули кухня с яблочным пирогом, женский смех, детские ладони. Девочка всхлипнула:

— Мама! Я вспомнила маму. Её зовут Нина!

За это Элиана потеряла звук колыбельной, которую когда-то пела ей собственная мать. Она почувствовала пробел сразу: знала, что песня существовала, но не могла вспомнить ни единой ноты.

Девочка вспомнила и другое. К её матери приходил мужчина с лицом Каэля и говорил о девочке с серебряными глазами, которая однажды откроет дверь.

Каэль застыл. Потом дал ребёнку монеты и адрес приюта, где принимали тех, кого корона делала невидимыми для родственников.

— Как тебя теперь зовут? — спросила Элиана.

— Мира, — уверенно сказала девочка. — Я — Мира.

В приюте, о котором рассказал Каэль, не спрашивали королевских документов. Хозяйка, седая женщина по имени Марта, отмечала детей в простой тетради и каждый вечер читала им вслух собственные имена. Элиана спросила, зачем повторять их ежедневно. Марта открыла первую страницу: там были десятки зачёркнутых строк. «Потому что случается утро, когда ребёнок сам не знает, кому откликаться, — сказала она. — Тогда мы читаем ему то, что помнили вчера». Элиана почувствовала стыд — не громкий, удобный для раскаяния, а тихий, от которого хочется сразу сделать что-нибудь полезное, чтобы не смотреть ему в глаза.

Мира очень хотела яблоко, но попросила разрезать его на две половины. «Маме тоже нравятся», — объяснила она. Каэль сидел у окна и, казалось, никого не слушал. Однако, когда Элиана вышла, он незаметно оставил возле девочки вторую половину в бумаге, чтобы та могла сохранить её до следующего дня. Элиана увидела и ничего не сказала. От этого маленького поступка её грудь сжало сильнее, чем от всех его резких слов.

По дороге к библиотеке Элиана вдруг поняла, что не может вспомнить мелодию, которую напевала мать, когда грозы мешали спать. В памяти осталась кровать, запах лаванды, тень у окна — но не было ни звука. Она попыталась напеть хоть один такт и почувствовала такое отчаяние, что вынуждена была остановиться. Каэль увидел её побледневшее лицо. «Что потеряла?» — спросил он. Она сказала правду. Он молчал несколько мгновений, а затем тихо напел несколько нот. Не ту мелодию — её саму он тоже не знал, — а простой старый мотив, которым когда-то успокаивал её после кошмаров. Элиана выдохнула. Потерянного нельзя было вернуть одной песней, но человек рядом по крайней мере понял, что произошло.

Они дошли до заброшенной библиотеки возле канала. Внутри их встретил Сорен, худощавый мужчина с осторожным взглядом и рубцом на шее.

— Ты привёл её? — спросил он Каэля. — После всего?

— Королева назначила её следующей жертвой.

Сорен молча разложил на столе семь пластин с древними печатями. Последняя была пуста. Элиана обнаружила на ней герб Вейров.

— Семь хранителей заключили договор триста лет назад, — объяснил Сорен. — Они отдали то, без чего человек перестаёт быть прежним. Имя, лицо, голос, память любви, милосердие, память смерти и право выбора.

— Ради Завесы?

— Ради того, чтобы нечто внутри не вышло наружу, — сказал Каэль.

Он не успел продолжить. За окном появилась женщина с лицом королевы, но серебряными глазами. Она прижала ладонь к стеклу изнутри комнаты и прошептала:

— Дочь моя, не позволяй ему вспомнить, кто он.

Стекло покрылось трещинами. Женщина исчезла. Элиана смотрела на отпечаток ладони и впервые подумала, что память может лгать не только человеку, но и самому миру.

Глава 4. Две королевы

— Королева была здесь? — спросила Элиана.

— Её отражение, — ответил Сорен. — Иногда это не одно и то же.

Тень женщины поползла по стене. В серебряном свете её лицо стало молодым, испуганным. Она повторяла одно: «Не давай ему вспомнить». Каэль вскинул руку, и чёрное пламя разорвало тень. Потом долго стоял неподвижно, будто ударил кого-то живого.

В тайной комнате библиотеки Элиана увидела подлинные копии старых договоров. В них Завесу называли «границей заключения». Королевские учебники использовали слово «защита».

— Кто заключён внутри? — спросила она.

Сорен подвёл Элиану к столу, за которым мятежники когда-то собирали доказательства против короны. На нём лежали детские тетради: вырванные страницы с расписанными именами родителей, нарисованные дома и подписи «я здесь». Она увидела тетрадь девочки, которую встречала в придворном приёмном зале год назад. Власть объявила тогда, что девочка счастливо устроена в новой семье. Теперь в тетради было написано: «Если я забуду маму, пусть мне вернут эту страницу». Элиана спросила, где ребёнок. Сорен честно ответил, что не знает. Он не утешил её и не обвинил, потому что не имел права ни на то, ни на другое.

— Мы пытаемся выяснить, — признался Каэль.

Она не поверила ему. Он говорил слишком быстро, словно боялся собственного ответа.

Сорен показал список сорока трёх человек, исчезнувших в день суда над Каэлем. Элиана вспомнила, как Мэриан обещала помиловать его сторонников. По её собственной подписи их отправили в места, откуда не возвращались даже имена.

— Мне сказали, они свободны.

— А Каэлю сказали, что ты пришла смотреть на казнь, — ответил Сорен. — Королева умеет разговаривать с людьми так, чтобы каждому досталась его собственная пытка.

Ночью Элиана увидела женщину в зеркале спальни. На этот раз лицо было похоже на Мэриан, но голос напомнил забытое прикосновение матери.

Ночью в библиотеке Элиана нашла на столе карту с нанесёнными красными точками. Каждая обозначала место обряда стирания. Точки образовывали рисунок, похожий на сердцебиение: одна в центре, шесть вокруг, затем снова одна. Она поняла, что корона не действовала хаотично. Все обряды питали семь башен, а значит, Завеса давно превратилась в систему, которую можно изучить. Сорен принёс ей карандаш, и они провели несколько часов, сравнивая даты с движением королевских караванов. Каэль застал их почти на рассвете. «Ты даже за пределами дворца ищешь порядок», — сказал он. «Потому что хаос удобен тем, кто запрещает задавать вопросы», — ответила Элиана.

— Почему вы назвали меня дочерью?

— Потому что истинное лицо мне не разрешают помнить, — ответило отражение. — Найди северную комнату. И спроси Каэля, чьё сердце стучит в его груди.

Женщина растаяла. На зеркале осталась короткая строчка, написанная с обратной стороны стекла: «Правда, произнесённая без выбора, тоже становится цепью».

Глава 5. Чужое сердце

Дверь северной комнаты открылась от прикосновения Элианы. За ней скрывалась спальня, нетронутая временем. На столике лежало их чёрное обручальное кольцо, которое она вернула Каэлю перед судом.

Она взяла его в ладонь, и Каэль появился на пороге.

— Не трогай.

— Почему ты сохранил?

— Чтобы помнить, как дорого обходится доверие.

Элиана положила кольцо на место, но уйти отказалась. Женщина из зеркала сказала о его сердце. Каэль побледнел и медленно расстегнул ворот рубашки. Через грудь тянулся страшный шрам.

Перед тем как показать шрам, Каэль долго разглядывал кольцо на столе. «Я однажды подумал выбросить его в реку, — сказал он. — Оно остановилось на самом краю моста. Не потому, что я передумал. Просто руку свело так, будто пальцы забыли, как отпускать». Элиана подумала, сколько раз сама пыталась снять с шеи цепочку, подаренную им перед свадьбой, и не сумела. Она призналась в этом. Каэль удивлённо посмотрел на неё. «Зачем ты сохранила? — спросил он. — Чтобы чувствовать вину?» Она покачала головой. «Чтобы помнить, что до неё было что-то ещё».

— После суда меня отвели к серебряному алтарю. Жрец вырезал моё сердце. Я помню, как оно остановилось. А затем проснулся за Завесой.

— Такое невозможно.

— Мне постоянно об этом напоминают.

Каэль рассказал не всё сразу. Он несколько раз прерывался, будто боялся, что откровенность может превратить воспоминание в приказ. За Завесой его нашли старики, жившие у речной переправы. Они не знали королевских титулов, не испугались чёрной крови и не потребовали платы. Хозяйка дома вымыла ему раны и предложила выбрать имя, которым к нему обращаться. Каэль не смог произнести своё. Он помнил лишь женский голос и короткую фразу, похожую на ложь: «Я никогда тебя не любила». Поэтому три месяца старики звали его Странником.

Когда память начала возвращаться, она пришла не вместе с облегчением, а со стыдом. Каэль увидел, как легко людям помогать без обещаний, и вспомнил, сколько раз сам обещал Элиане мир, который не мог ей дать. Элиана слушала, не перебивая. Ей хотелось коснуться шрама, но она не знала, вправе ли. В конце он сам взял её пальцы и на мгновение приложил к месту второго сердцебиения. «Слышишь?» — спросил. Она почувствовала два ритма и отдёрнула руку от ужаса. Он улыбнулся печально: «Я делаю так каждое утро. Проверяю, кому сегодня принадлежит моё тело».

Он рассказал, что иногда слышит второе сердцебиение и видит чужие сны: два мальчика, девочка у серебряной двери, женщина, чьё лицо не удаётся удержать. Лекарь-мятежник сказал ему, что внутри бьётся сердце его брата. Самого брата Каэль до недавнего времени не помнил.

Элиана вспомнила собственный сон. Мальчики-близнецы. Кольцо. Дверь, за которой плачет кто-то невидимый. Совпадение было слишком точным.

— Мы знали друг друга детьми, — сказала она.

— Если знали, почему не помним?

Они остались стоять друг против друга, раздавленные тем, что не могли ни принять, ни опровергнуть. Каэль первым отвёл взгляд.

— Если однажды я заговорю не своим голосом, не слушай. И не называй меня Дарианом.

— Кто это?

— Тот, чья жизнь оборвалась, чтобы моя продолжилась.

Глава 6. Тот, кто носит его лицо

Сорен показал Элиане старую серебряную подвеску в форме раскрытой книги. Она принадлежала ей в детстве. Прикосновение вернуло картину: круглый зал, два мальчика-близнеца, девочка с мокрыми щеками и женщина в серебряном платье. Один мальчик держал игрушечный меч, второй — чёрную птицу.

— Сегодня мы должны выбрать, кто останется, — сказал второй.

Воспоминание оборвалось. Элиана вцепилась в край стола.

— Я знаю его имя, но не могу произнести.

— Клятва не позволяет, — ответил Сорен. — Нельзя вспомнить имя, которое сам отдал на хранение.

Утром библиотеку атаковали королевские охотники. Впереди шёл мужчина с лицом Каэля — только глаза казались темнее, а улыбка не скрывала любопытства.

— Здравствуй, Элиана. Ты обещала найти нас обоих.

Когда Дариан впервые улыбнулся Элиане, она увидела не только сходство с Каэлем. Улыбка была знакомой с детства, как забытая мелодия, которую вдруг сыграли на чужом инструменте. Она захотела назвать его по имени, не зная почему, и услышала в голове предупреждение матери. На мгновение девочка из старого воспоминания будто протянула к ней руку. Элиана осознала: её страх перед Дарианом — не просто страх перед незнакомцем. Это страх перед собственной памятью, которую кто-то однажды сделал чужой.

Каэль сбежал по лестнице с обнажённым мечом.

— Дариан.

Близнец поклонился нарочито театрально. На пальце у него блестело серебряное кольцо.

— Брат. Неужели не рад видеть семейное сходство?

Дариан посмотрел на потрескавшуюся библиотечную лестницу и неожиданно назвал одну из книг по имени. Когда-то они с Каэлем соревновались, кто первым прочитает её до конца. Дариан выиграл, но тайком заглянул в последнюю главу. Каэль уличил его, и оба не разговаривали три дня. Эта незначительная история заставила Сорена поднять глаза: он помнил спор и даже помнил, как мирил братьев. Значит, перед ними стоял не просто иллюзорный самозванец. Он нёс с собой воспоминания человека, которого мир объявил мёртвым. Элиане стало страшнее: если воспоминания достаточно точны, чтобы вызвать любовь и вину, где заканчивается отражение и начинается человек?

Сорен побледнел. Его страх показался Элиане искреннее любой ненависти.

— Ты погиб, — произнёс он.

— А ты однажды сумел умереть? — спросил Дариан. — Нет? Тогда не суди тех, кто научился возвращаться.

Он протянул Элиане руку. Каэль встал между ними. Впервые оба мужчины одновременно посмотрели на неё — один с отчаянным желанием удержать, второй с уверенностью, что однажды она сама придёт.

— Не верь первому, кто расскажет тебе правду, — успел сказать Дариан, прежде чем вокруг него вспыхнули серебряные искры. — Особенно если это я.

И исчез, оставив королевских охотников у дверей.

Глава 7. Два лица одной лжи

Стражники в белых масках двигались без колебаний. Элиана попыталась стереть их цель, но серебряная магия скользнула по пустым сознаниям. У этих людей уже не осталось собственных воспоминаний.

Каэль отбил удар мечом, закрыв собой мальчика-подмастерье. Чёрная кровь пропитала его рукав. Дариан, ненадолго вновь появившийся среди врагов, щёлкнул пальцами и заставил охотников остановиться.

— Я привёл их, но не собирался отдавать королеве детей, — сказал он. — У Мэриан свои привычки. Я пока не разделяю все.

— Слишком поздно играть в милосердие, — ответил Каэль.

Дариан вложил в ладонь Элианы серебряное кольцо и шепнул: «Только ты можешь вспомнить, кто из нас согласился умереть». Потом исчез за рухнувшей колонной.

Здание горело. Сорен выводил людей через водосток; Элиана посылала охотников в иллюзорные коридоры. Каэль нёс раненую девочку и отказывался уйти, пока за последней дверью слышался чей-то голос.

Когда библиотека горела, Ливия вернулась за связкой ключей. Её остановила полка с книгами, превращавшимися в пепел. В детстве она думала, что книги вечнее людей. Теперь видела, как страницы исчезают быстрее, чем можно успеть прочитать последние строки. Она схватила журналы с именами исчезнувших и понесла к выходу, хотя могла спасти лишь часть. Сорен молча подхватил вторую стопку. Позже, уже в тоннеле, они спорили, какие журналы остались. Сорен сказал: «Я восстановлю списки по памяти». Ливия посмотрела на него и ответила: «Вот поэтому мы записываем. Одной памяти больше никогда не доверим всё».

Среди эвакуированных оказался старик, отказавшийся оставлять свою корзину с морскими камешками. Стражники уже приближались, а он упрямо пытался собрать рассыпавшиеся камни. Каэль опустился на колени и помог ему, хотя кровь капала на пол. Старик объяснил, что жена собирала камешки на каждом побережье и что теперь, когда он забыл её лицо, только по ним знает, где они были вместе. Каэль не ускорял его и не говорил, что жизнь важнее вещей. Он просто собрал последние камешки и понёс корзину сам. Элиана наблюдала за ним, чувствуя, как её прежняя любовь спорит с нынешним недоверием. Оба чувства были настоящими.

Когда все добрались до выхода, он схватился за грудь. Глаза его почернели.

— Наконец-то, — сказал чужой голос его ртом. — Моя маленькая Элиана.

Она отступила, но не убежала. Перед ней был Каэль, который только что рисковал жизнью ради чужих детей. И кто-то ещё, кому нравилось говорить из его тела.

— Отпусти его, — потребовала она.

В ответ чужой голос засмеялся. Потом Каэль упал на колени и прохрипел собственным голосом:

— Беги. Пока я ещё могу попросить.

Глава 8. Три слова, которые убили любовь

В монастыре святой Агнессы Каэль пролежал сутки. Настоятельница прослушала его грудь и обнаружила два разных ритма: один почти человеческий, второй похожий на удары часов под водой.

Элиана осталась рядом. Ночью она вспомнила их дом у моря: как Каэль поджёг завтрак, как она смеялась, как он опустился на колено с чёрным кольцом и спросил, станет ли она его женой. Она сказала «да» прежде, чем он закончил предложение.

Агнесса попросила Элиану сменить повязку. Её руки дрожали так, что она уронила ножницы. Настоятельница собрала инструменты и сказала без упрёка: «Не нужно притворяться бесстрашной ради человека, который вас не просил». Элиана вышла за водой, увидела в коридоре молодую послушницу, читающую письмо из дома, и неожиданно позавидовала ей. Зависть была нелепой: девушка плакала, письмо явно принесло дурные вести. Но хотя бы её горе имело ясное имя и адрес.

Вернувшись, Элиана увидела, что Каэль во сне сжимает край одеяла. Она осторожно разжала его пальцы, и он что-то пробормотал. Ей послышалось собственное имя. Она подумала, что могла бы вернуться во дворец, если это избавит его от опасности, а затем вспомнила: точно так же она рассуждала пять лет назад. Быть рядом с ним означало больше не устраивать спасение без его согласия. Она села обратно на стул и дождалась, пока он проснётся и сможет решить сам, нужна ли ему её помощь.

Когда Каэль очнулся, она призналась, что не хотела снова его терять.

— Не говори так, — попросил он. — Я слишком хочу поверить.

Она рассказала о королевском ультиматуме. Мэриан держала четырнадцатилетнего Ильяна в темнице и пообещала убить его, если Элиана не подпишет приговор. Каэль выслушал до конца.

— Я понимаю, почему ты выбрала брата, — сказал он. — Но ты не дала мне самому выбрать, рисковать ли ради вас обоих.

Элиана опустила голову. Она ждала ненависти и не была готова к правоте его слов.

Когда Каэль услышал имя Ильяна, он вспомнил мальчика, который однажды пришёл к нему с требованием научить держать меч. Каэль отказался: мальчику не было и четырнадцати. Ильян обиделся, заявил, что тогда сам станет лучшим мечником королевства, и ушёл, хлопнув дверью. Каэль потом принёс ему деревянный меч и учил прежде всего не доставать его без нужды. Рассказывая это, он впервые позволил себе признать: Ильян был не абстрактной причиной предательства, а ребёнком, которого он сам обещал защищать. Но от этого боль не исчезала; она становилась сложнее.

Позднее Сорен застал её в саду под дождём.

— Каэль не умеет прощать быстро, — сказал он. — Зато, когда прощает, делает это по-настоящему.

— А Дариан?

Сорен посмотрел в темноту.

— Дариан привык считать любовь доказательством собственности. В детстве они оба хотели одного и того же. Но только один однажды спросил, чего хочешь ты.

Из окна своей комнаты Каэль видел их разговор. Ревность была нелепой и горькой. Он отвернулся от окна — и в его отражении кто-то улыбнулся вместо него.

Глава 9. Письмо мертвеца

Раненый дворцовый писец Томас добрался до монастыря с чёрным конвертом. Он успел сказать, что письмо от Ильяна, и умер, прежде чем Элиана спросила о цене его бегства.

«Сестра, — писал Ильян, — я жив. Королева оставила меня во дворце и каждый день забирала по воспоминанию. Я повторял твоё имя, чтобы помнить, кто я. Не подходи ко мне, если увидишь в королевском мундире. И никогда не открывай серебряный алтарь без первого договора».

Из серебряных букв возник записанный голос. Он указал дорогу к Обсерватории Семи Звёзд, где хранились истинные условия Завесы. Затем добавил: «Если увидишь человека с моим лицом, не верь ему». Бумага рассыпалась.

Томас оставил после себя маленькие следы жизни: аккуратно начищенные ботинки, обрывок письма матери, карандаш с отпечатками зубов. Элиана впервые не позволила себе назвать его гибель необходимой ценой. Она положила письмо рядом с его рукой, попросила Агнессу записать имя и дату и пообещала передать его семье правду, даже если она окажется неполной. Каэль помог ей приготовить простую погребальную свечу. Они стояли рядом, пока огонь не догорел, и оба молчали о тех похоронах, которых были лишены пять лет назад.

— Он жив, — повторяла Элиана, не в силах унять слёз.

Каэль обнял её. Не потому, что забыл обиду; потому, что видел, как долго она несла её одна. Он пообещал сделать всё возможное, чтобы найти Ильяна.

В часовне Элиана заметила, что письмо Ильяна было сложено так же, как маленькие записки, которые он прятал ей в детстве под дверью. Каждый угол загибался внутрь. Мальчик объяснял когда-то, что таким образом «секрет не выпадет». Эта привычка пережила магическое стирание и пятилетнюю разлуку. Она показала конверт Каэлю, и он долго рассматривал сгибы. «Такое трудно подделать человеку, который не знает вас», — сказал он. Элиана впервые за день улыбнулась. Надежда пришла не от великого пророчества, а от четырёх складок бумаги.

Вечером на террасе они говорили о доме у моря и о страхе забыть любимый голос. Каэль едва не поцеловал её, но отступил.

— Я боюсь того дня, когда ты узнаешь, что сделал я, — признался он.

Элиана впервые увидела за его гневом вину.

Тем временем в королевском дворце Мэриан слушала, как в зеркале плачет женщина с серебряными глазами. Королева сказала: «Пусть дети найдут Обсерваторию. Правда приведёт их туда быстрее лжи». За дверью стоял юный охотник с деревянной игрушкой в руке. Ильян услышал всё.

Глава 10. Дом, в котором умерло наше счастье

Дорога к Обсерватории вела через Серые скалы. На утёсе стоял дом, где Каэль когда-то сделал Элиане предложение. После его смерти она ежегодно приезжала сюда: чинила крышу, меняла свечи и не решалась войти в спальню.

— Почему? — спросил Каэль, когда узнал об этом.

— Там всё ещё пахло тобой.

Он отвернулся. Ни одно обвинение не было так трудно перенести, как эта тихая правда.

В доме висел их портрет. На нём они смеялись, не зная, что королева способна превратить любовь в государственное преступление. Сорен с рыжеволосой Ливией проверяли окрестности, а Элиана нашла в старом сборнике сказок тайную печать собственным почерком.

Сорен долго стоял перед портретом. На картине Каэль казался человеком, который ещё не знает слова «месть». «Когда её писали, он заставил художника трижды переделывать твою улыбку», — сказал Сорен. Элиана спросила почему. «Художник изображал тебя чинной и благородной. А Каэль говорил, что ты смеёшься так, будто всякому миру лучше немедленно стать другим». Она вспомнила день, когда они позировали: он всё время щекотал её ладонь, и художник сердился, что заказчики не могут посидеть спокойно. Теперь эти мелочи были почти невыносимы.

Вечером Элиана вышла на крыльцо. Море шумело под утёсом, ветер бился о стену. Каэль остановился рядом, не спрашивая разрешения, но и не касаясь её. Они молчали, пока небо не стало чёрным. «Я ненавидел этот звук», — сказал он наконец. «Какой?» — спросила она. «Волну. После суда я слышал её в голове даже в подземелье. Думал, что если ещё раз услышу настоящее море, не выдержу». Элиана повернулась. Каэль смотрел на горизонт без привычной защиты в глазах. «А сейчас?» — спросила она. «А сейчас, кажется, могу слушать. Если ты рядом и не просишь меня притворяться прежним».

«Я не предала его. Он не предал меня. Мы оба согласились забыть. Не позволяй Каэлю открыть последнюю печать».

Каэль прочитал сообщение и опустился на край кровати.

— Если наши воспоминания ложь, что вообще осталось от нас?

Перед сном Каэль открыл шкаф и обнаружил на верхней полке старый плащ. Его подарила Элиана перед первой зимней поездкой. Он когда-то посмеялся над слишком яркой подкладкой, но носил плащ, пока ткань не протёрлась на локтях. Элиана заметила, что пуговицы заменены новыми. «Ты их пришила?» — спросил он. Она пожала плечами. «Плащ ещё годился». Он хотел спросить, зачем чинить вещи мёртвого человека, но посмотрел на неё и промолчал. Иногда люди продолжали любить не словами, а глупыми маленькими починками, которые никому не могли объяснить.

Ночью они говорили без оружия и приказов. Элиана призналась, как приезжала в этот дом плакать. Каэль рассказал, что три года назад стоял за калиткой, собираясь его сжечь, но увидел свет в её окне и не смог.

Она попросила поцеловать её. Каэль коснулся губами её пальцев и остановился.

— Я всё ещё хочу этого. Но желание не заменяет доверия.

На рассвете зазвенел колокольчик над крыльцом. У двери стоял выросший Ильян в мундире главного королевского охотника. За его спиной ждали двенадцать безмолвных солдат.

— Здравствуй, сестра, — сказал он, держа ту самую деревянную игрушку, что Элиана подарила ему в детстве.

Глава 11. Палач с глазами ребёнка

Ильян обнял сестру так, будто забыл, как это делается. За годы во дворце он выучился бесшумно ходить, следить за дыханием жертвы и не задавать вопросов королеве. Элиана с ужасом увидела, насколько спокойно он рассказывает об этом.

— Мэриан сделала меня оружием, — сказал Ильян. — Но не всё, что я делал, было чужой волей. Это я должен буду признать, когда всё кончится.

Он сообщил, что письмо из монастыря было изменено королевой: Обсерватория действительно хранила договор, но Мэриан рассчитывала, что Элиана сама откроет двери. Юноша принёс ключ от скрытого входа и маршрут через скалы.

Перед уходом Ильян попросил у сестры тёплый шарф. «В казармах мне всегда холодно», — сказал он, и Элиана внезапно вспомнила, что в детстве он терпеть не мог шерсть. Она принесла мягкий хлопковый платок. Ильян удивился, потом засмеялся: «Ты помнишь». Элиана крепко сжала ткань в ладонях. Королева могла изменить в его голове историю преступления, но не сумела уничтожить все маленькие привычки. Это заставило её поверить, что даже в настоящем королевском охотнике оставался её брат, которому когда-то натирали шею грубые воротники.

Когда они покидали побережье, двенадцать охотников двинулись за ними. При наступлении полудня печать на груди Ильяна вспыхнула: приказ возвращал его под власть Мэриан. Он упал на колени, умоляя Элиану стереть воспоминание, к которому привязана печать.

Она вошла в его сознание и увидела девочку в храме. Мэриан велела пятнадцатилетнему Ильяну убить ребёнка. Он бросил меч, отказавшись. Тогда жрецы стёрли память девочки, а память Ильяна переписали, чтобы он верил, будто совершил убийство сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.